

Анна Мария Басаури Зюзина

**(Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова,
Киев, Украина)**

Кандидат философских наук, доцент, кафедра богословия и религиоведения, Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова (Киев)

E-mail: manya_basauri@ukr.net

ID ORCID: 0000-0002-1824-1393

DOI: 10.31168/2658-3364.2018.1.5.1

Советская иудаика: история, проблематика, персоналии /

Науч. ред. М. Куповецкий. Иерусалим; М.: Гешарим /
Мосты культуры, 2017. 416 с.

Рецензируемая книга представляет собой сборник статей, подготовленных на основе докладов международной конференции «Советская иудаика: история, проблематика, персоналии» (2009). Сам факт того, что публикация произошла через восемь лет после проведения конференции, может немного насторожить читателя, однако доклады были значительно доработаны, расширены и осовременены, поэтому разрыв во времени при чтении не ощущается. Важно отметить, что сборник является результатом работы ученых из четырех стран: Израиля, США, России и Беларуси. Кроме того, книга носит «новаторский» характер, поскольку наряду с исследовательскими текстами здесь представлены и воспоминания самих «агентов» советской иудаики 80-х гг. (Семен Якерсон, Игорь Крупник, Михаэль Бейзер, Игорь Котлер и Аркадий Зельцер).

Логически все статьи распадаются на две большие группы: статьи про институции и их деятельность, а также статьи про научную жизнь отдельных людей. Пересказать содержание всех статей в рецензии невозможно, да и не нужно, но нам хотелось бы дать читателю общее представление о темах, затронутых в сборнике.

Первая статья про институции посвящена **истории еврейских академических подразделений в Белорусской Советской Социалистической Республике в 1920-х – начале 1940-х гг. (по документам Центрального научного архива Национальной академии наук Беларуси)**. Автор ее – **Дмитрий Шевелев** – касается проблемы институционализации советской

иудаики в Беларуси. Используя архивные материалы, он устанавливает время учреждения Института еврейской пролетарской культуры (1933 г.). К сожалению, эта организация просуществовала недолго – всего два года, после чего все институты национальных меньшинств БССР были слиты в единый институт (С. 76–77).

Белорусскую тему продолжает статья **Андрея Замойского «“Лицом к местечку!” Изучение местечек Советской Беларуси в 1920–1930-е годы»**. Автор выделяет четыре причины интереса к исследованию местечек в раннесоветский период: 1) необходимость включить местечки в новую экономическую систему; 2) необходимость проведения новой национальной политики; 3) желание показать преобразование местечек в новый тип советского поселения; 4) бурное развитие этнографии и краеведения в СССР. Главной чертой исследования местечек была их практическая значимость: исследования поощрялись советской властью лишь в тех случаях, когда их результаты могли быть использованы для решения конкретных практических задач (например, демографический состав населения местечек изучали для того, чтобы эффективнее проводить политику переселения евреев в сельскохозяйственные поселения).

Не выходит за хронологические рамки 30-х годов XX в. и статья **Михаила Крутикова «Советская еврейская фольклористика в идеологическом контексте тридцатых годов»**. Первая часть статьи посвящена анализу работы Мейера Винера «Фольклоризм и фольклористика (некоторые предварительные замечания к методологии фольклористики)» (1932), в которой он излагает свою программу исследования еврейской фольклористики в связи с новыми требованиями «ленинского» этапа развития науки. Подход Винера к фольклору вполне отражает тенденции в советской фольклористике того времени, которая видела своей задачей «марксистскую реконструкцию культуры угнетенных классов» (С. 120). Винер предлагал повсеместно применять марксистский материализм, рассматривающий культуру как надстройку экономики; при таком подходе фольклор становился источником «анализа классовых противоречий, но не имел будущего в пролетарском социалистическом обществе» (С. 127). К концу 30-х гг. Винер отказался от радикального классового детерминизма и изменил свое отношение к фольклору, который уже представлялся ему имеющим «положительное значение как часть общей прогрессивной народной культуры» (С. 132).

Рассказ о советской иудаике 30-х годов продолжает статья **Александра Иванова «Выставка “Евреи в царской России и в СССР” в контексте советского музейного строительства в 1930-е гг.»**. Для усиления идеологического давления советское государство активно использовало научное сообщество, поскольку научное доказательство улучшения жизни советских народов было чрезвычайно важным. В Государственном музее этнографии уже работала еврейская секция, поэтому создание выставки «Евреи в царской России и в СССР» именно здесь казалось вполне оправданным.

Центральным элементом экспозиции должна была стать часть, посвященная хозяйственному и культурному строительству в Еврейской автономной области (Биробиджане). Визуальный ряд выставки был сформирован по принципу контрастного противопоставления «дореволюционной» и «послереволюционной» жизни российских евреев. Однако сразу после открытия выставка вызвала неожиданный эффект, о чем свидетельствуют записи в книге отзывов: «Знатоки старого местечка воспринимали экспозицию, в особенности обстановочные сцены, крайне эмоционально, не без ностальгических элементов. Их определенно удовлетворяло, что предметы повседневного обихода, хорошо знакомые им из личного опыта жизни в местечке, оказались в витринах и таким образом были наделены ценностью музейных экспонатов» (С. 180). Между тем более юные посетители, которые лично не были знакомы с еврейским местечком, «отзывались о "вводном разделе" в точном соответствии с идеологически выверенными этикетками и лозунгами, включенными в экспозицию» (С. 181). Автор также показывает различия в восприятии выставки научными сотрудниками и обычными посетителями. В итоге он делает вывод о том, что выставочная репрезентация прошлой жизни евреев (до СССР) имела успех у аудитории, тогда как репрезентация советского настоящего евреев была не столь привлекательной, поскольку не отражала действительности, ведь ЕАО так и не стала «родиной всех евреев».

Статья **Давида Э. Фишмана** посвящена **Еврейскому музею в Вильнюсе (1944–1949 гг.)**. До Второй мировой войны в Вильно было три крупных центра иудаики, но сразу по ее завершении был создан Еврейский музей в Вильнюсе, который функционировал не только как музей, но и как еврейский культурный, образовательный и исследовательский центр. «В исторической ретроспективе, Еврейский музей в послевоенном Вильнюсе имел несколько уникальных особенностей: 1) это было единственное новое еврейское научное учреждение, созданное в СССР после войны; 2) это был единственный действующий Еврейский музей в Европейской части послевоенного СССР; 3) это был первый в мире музей Холокоста с постоянной экспозицией, посвященной уничтожению европейского еврейства» (С. 242). Уже в начале 1946 г. музей открыл свою главную постоянную экспозицию «Фашизм – это смерть», которая стала «редким для СССР случаем распространения среди широкой общественности информации о Холокосте» (С. 247). И хотя музей был закрыт в 1949 г., трудно недооценить его важность в развитии советской иудаики.

Леонид Кацис в статье «**Русско-еврейская литература как предмет изучения в XX веке**» рассматривает важную методологическую проблему: что есть «русско-еврейская» литература и кого из авторов, пишущих в советское время, можно к ней отнести. Развитие изучения русско-еврейской литературы началось в 1970-х гг. в Израиле, ярким исследователем ее был Симон Маркиш. Он считал, «что из-за Холокоста и советских преследова-

ний закончилась именно та трехязычная русско-еврейская среда, которая, будучи вполне еврейской, тем не менее, сознательно выбирала русский язык, а не по необходимости пользовалась единственно доступным советским полностью ассимилированным евреям, утратившим все еврейское, русским языком» (С. 269).

Во второй части книги собраны статьи, посвященные отдельным лицам и носящие преимущественно биографический характер. Честно говоря, эта часть нам понравилась больше, поскольку именно такие статьи показывают «человеческое лицо» советской (и современной) иудаики. Такие статьи делают иудаику для молодых исследователей чем-то большим – не просто «сферой научных интересов», а «способом существования». Это замечательно подметил С. Якерсон: «Если предположить, что родиной ученого может быть его наука, то Лев Ефимович [Зингер. – прим. авт.], безусловно, прожил свою жизнь на Родине, прожил, как ее истинный патриот – и преданность ей сумел доказать в неравной борьбе с действительностью, и служил ей до последнего часа» (С. 283).

Открывает эту часть сборника статья **Дана Харува «Бурное десятилетие Семена Марковича Дубнова: библейская история как национальная миссия во время мирового кризиса (1914–1924)»**. Автор попытался «рассмотреть разные аспекты отношения Дубнова в 1914–1924 гг. к библейскому периоду еврейской истории» (С. 15). Как нам кажется, статья в основном носит описательный характер, но сквозь нее красной нитью проходит концепция истории еврейского народа, предложенная Семеном Дубновым.

Как бы продолжая статью о Дубнове, **Элисса Бемпорад** в статье **«Израиль Сосис и наследие русско-еврейской историографии»** осмысляет влияние Дубнова на еврейских историков 1920–1930-х годов. Именно новая парадигма, в основе которой лежит классовая борьба, по нашему мнению, и делает «советских» историков «советскими». Интересен тот раздел статьи, где автор выделяет сходные черты в трудах и системах мышления Дубнова и Сосиса: 1) оба историка использовали исследование еврейской истории для создания новой еврейской самоидентификации; 2) оба историка сходным образом оценивали роль кагала в еврейской истории; 3) оба исследователя в качестве исторических источников использовали *пинкасы*. В статье проиллюстрированы взаимоотношения между дореволюционной еврейской наукой и советской интерпретацией истории евреев. Запоминающейся нам показалась такая характеристика: «Особую оригинальность Сосису придавало то, что он был переходной фигурой, "пойманной" в пространстве между двумя научными мирами – дореволюционной России и советского коммунизма» (С. 44).

Статья **Деборы Ялен** посвящена жизни и творчеству **Ильи Исааковича Вейцблита (1895–1937)**. В своей монографии «Динамика численности еврейского населения на Украине в 1897–1926 гг.» И. Вейцблит предположил, что еврейское население Украины «недосчитывает» 724 тыс. человек,

что стало результатом событий первых десятилетий XX в. Именно за эту гипотезу Вейцблита раскритиковали советские коллеги. 29 марта 1937 г. Вейцблит был арестован в Киеве и после нескольких месяцев допросов его признали виновным. В частности ему вменялось в вину оппозиционное отношение к советской политике в украинской деревне, сознательное искажение результатов Всесоюзной переписи населения 1937 г. в целях восстановления капитализма в СССР.

Геннадий Эстрайх продолжает серию статей, посвященных отдельным персоналиям в иудаике, статьей **«(Интер)национализм в творчестве Переца Маркиша. О роли литературоведческого интерфейса в еврейской литературе»**. П. Маркиш принадлежал к первому поколению советских писателей, чье творчество пришлось на период противостояния двух разных тенденций: с одной стороны, литературное развитие проходило достаточно свободно, а с другой – все отчетливее ощущалось давление государства, желавшего подчинить себе литературу. Не очень понятно, что именно автор подразумевает под словом «интерфейс», которое вынесено в название статьи. Можем лишь предположить, что он имеет в виду «одобренных» советской властью литераторов и критиков – тех, которые имели право представлять и выражать свои идеи, находясь строго в рамках советской идеологии. Автор отмечает, что творчество Маркиша вызывало разногласия у интерфейсных критиков из-за его «национализма».

Марк Куповецкий в статье **«Исследователь социально-экономической модернизации советского еврейства Лев Григорьевич Зингер в московских реалиях 20-х – начала 50-х гг. XX века»** не ставит себе целью анализ значимости научного наследия Зингера, а скорее сосредотачивается на социальных контекстах формирования его системы ценностей и механизмов их реализации. Автор достаточно подробно описывает жизненный путь Л.Г. Зингера, пытается понять, какие факторы стали решающими при выборе им научной деятельности, какие причины могли заставить его заняться явно менее прибыльной научной деятельностью, чем та, которой он занимался до этого. Именно под руководством Зингера были опубликованы сведения о евреях по данным переписей, проводившихся в разных областях СССР, в том числе в Украине, Крыму и Биробиджане в 1926, 1929, 1930 и 1931 гг. Куповецкий не только анализирует опубликованные работы и исследования Зингера, но и находит новый материал и обнаруживает планы, которые так и не были реализованы. Это помогает увидеть иудаику не как застывший научный феномен, имеющий свои достижения, но и как «живую» науку, которая постоянно находится в поиске новых тем исследования, постоянно разрабатывает новые проблемы. Однако Зингеру не удалось избежать репрессий, и в 1951 г. его арестовали, а его докторскую диссертацию конфисковали вместе с небольшой библиотекой по еврейской истории. Единственное, что усложняет чтение этой статьи – это многобуквенные аббревиатуры, которые знакомы исследователю, занимающемуся

близкой проблематикой, но могут затруднить адекватное восприятие текста для неискушенного читателя.

Как и в статье о Зингере, в статье **Семена Якерсона «Я остался в Ленинграде, чтобы стать гебраистом»**. Немного о моем незабвенном наставнике **Льве Ефимовиче Вильскере и отечественной гебраистике его времени** не дается характеристика научного наследия Вильскера, скорее, автор пытается передать своеобразие советского времени. Очерк проникнут теплотой и уважением к герою статьи. Вильскер работал в отделе литературы стран Азии и Африки Ленинградской Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, знал классические памятники иудаизма, был знаком с иудейской традицией, кроме того, он получил научную подготовку на кафедре ассириологии и гебраистики Ленинградского университета. В 1970 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Исследование самаритянского языка», которая через несколько лет была опубликована на русском и французском языках. «Основным научным интересом Льва Ефимовича стал поиск неизвестных стихов великого испанского поэта Иехуды Галеви (1075–1141?). Вильскер сумел найти 19 неизвестных стихотворений поэта и 198 стихов в неизвестной редакции!» (С. 282).

Игорь Крупник продолжает серию автобиографических текстов статьей **«Как мы занимались историей... и этнографией: К 35-летию Еврейской Историко-Этнографической комиссии, 1981–1990 гг.»**. Это интересный пример осмысления собственной научной деятельности через многие годы, попытка систематизации личного опыта и «вписания» себя и своей исследовательской деятельности в историю советской иудаики, ведь автор был одним из основателей Еврейской Историко-Этнографической комиссии (ЕИЭК). В 1981 г. группа московских этнографов, историков, этнузиастов изучения еврейской культуры объединилась в ЕИЭК, которая «просуществовала около 10 лет и завершила свою деятельность к 1990 г. из-за отъезда большинства участников за границу и становления легального еврейского движения в бывшем СССР, в которое активно включились члены ЕИЭК» (С. 286). ЕИЭК по праву можно назвать научным сообществом, которое «положило начало новой русскоязычной иудаике за пределами немногих разрешенных тогда направлений <...>. Она открыла возможность нового изучения истории, современного положения и этнокультурного наследия еврейского населения СССР...» (С. 307). Конечно, деятельность ЕИЭК кажется более богатой и активной по сравнению с развитием иудаики в предыдущие десятилетия существования СССР. В статье показана связь с официальными институтами, особенно в ситуации конфликта между «недовольными гражданами» и исследователями ЕИЭК.

Если сравнивать деятельность ЕИЭК с другими неформальными группами исследователей иудаики, то кажется, что в Москве как столице СССР было больше возможностей для исследований (в отличие, например, от Киева). Здесь было больше литературы, источников, больше институций, больше

еврейских энтузиастов. В этом контексте, вероятно, было бы интересно отдельно исследовать факторы, способствующие и препятствующие развитию иудаики в разных советских республиках, ведь не секрет, что политическая и социальная ситуация в республиках отличалась от ситуации в столице.

Следующая автобиографическая статья написана **Михаэлем Бейзером** «**Подпольная иудаика в Ленинграде в 1980-х годах**». В Ленинграде, как и в Москве, проходили квартирные семинары по еврейской истории и культуре. Когда стало трудно находить квартиры для проведения семинаров, у М. Бейзера родилась идея новой формы деятельности – семинара с углубленным изучением иудаики. В отличие от ЕИЭК Ленинградский семинар не избегал публикаций в самиздате, в результате чего «Ленинградский Еврейский альманах» (самиздатовский журнал) стал основным печатным органом семинара. Представленная статья является своего рода продолжением рассмотренной выше работы, поскольку показывает «нелегальную» иудаику, общей особенностью которой была изолированность от советской науки и мировой иудаики. Показательно, что неформальные «тусовки», хотя их многие и покинули в связи с эмиграцией, со временем перерастали в научные институты.

Продолжает автобиографическую часть **Игорь Котлер** со статьей «**Мой путь в иудаику**». Автор описывает свою заинтересованность в иудаике и невозможность поступить на какой-либо гуманитарный факультет из-за своей национальности. Несмотря на это, автор старался найти любые способы официального участия в академической жизни. И. Котлер уверен, что его успешность в иудаике объясняется местом его проживания, ведь Ленинград был вторым культурным центром СССР, что давало возможность начинающим исследователям получить «доступ к тем источникам, о которых не смели даже мечтать те, кто жил в советской провинции» (С. 393).

Завершает сборник статья **Аркадия Зельцера** «**Как я попал в иудаику**», в которой автор акцентирует внимание на людях, сыгравших важную роль в его становлении как исследователя еврейской истории. Вера в то, что научные публикации, издававшиеся в Москве, легитимизируют его занятия иудаикой, была серьезной моральной поддержкой. А. Зельцер также описывает те трудности, которые возникали при исследовании еврейской тематики. Сюда он относит давление властей (КГБ проводило «воспитательные беседы»), а также незнание элементарных правил работы с источниками, что значительно затрудняло любые исторические исследования.

Как представляется, сборник «Советская иудаика» с полным правом пополнит ряд научных изданий, посвященных советскому периоду исследований еврейской истории и культуры, например, таких, как книга Г.С. Зелениной «Иудаика два: ренессанс в лицах» (2015).

Институциональное развитие научной иудаики проходило в двух направлениях: официальном (контролируемом и идеологически выверенном) и подпольном (более свободном, методологически разнообразном и

основанном на энтузиазме отдельных людей). Во многих статьях подчеркивается важность личного контакта и подхода к молодежи, поощрение занятий еврейской историей. Взаимопомощь, передача знаний и циркуляция книг среди исследователей иудаики помогли проводить исследования и заинтересовывать людей. Хотя в сборнике и не представлена общая система советской иудаики, но «мозаичное» раскрытие отдельных тем, какое и должно быть в сборнике, дает возможность сделать обобщения и в будущем вывести общую парадигму развития советской иудаики.

Итак, в целом сборник «Советская иудаика» оставляет впечатление продуманного сочетания «архивных» исследований, показывающих внешнюю канву событий, открывающих новые аспекты известных историй, и «живых» рассказов реальных людей, которые дополняют сухие исследования показом внутренней мотивации каждого отдельного ученого, обратившегося к занятиям иудаикой, повествуют о том, как много препятствий было преодолено и сколь многое делали люди для развития того, что в принципе не могло развиваться в тоталитарном государстве, коим являлся СССР.

**Sovetskaya iudaika: istoria, problematika, personalii /
Ed. by M. Kupovetsky. Jerusalem; Moscow: Gesharim /
Mosty kultury, 2017. 416 pp.**

Anna Mariya Basauri Ziuzina (Kiev, Ukraine)

Ph.D., assistant professor, Department of Theology and Religious Studies, National Pedagogical M.P. Dragomanov University (Kiev)

E-mail: manya_basauri@ukr.net

ID ORCID: 0000-0002-1824-1393

DOI: 10.31168/2658-3364.2018.1.5.1

References

Kupovetskiy M., ed. *Sovetskaia iudaika: istoriia, problematika, personalii*.
Jerusalem; Moscow, 2017.